

29 июня 2018 года

Забавно. Оказалось, что первый сарай нужно ставить на нашем старом участке. Так что на меня даже лёгкая ностальгия напала, когда с ребятами и дядей Фаридом пришли на место.

Сегодня мы разбирали наш старый сарай. На самом деле, его нужно было менять ещё лет пять назад, когда из-за перекоса дверь перестала закрываться. Но мы в нём не хранили ничего ценного, поэтому папа просто забил на него.

Остаться со всеми до конца я не смог, так как нужно было бежать к бабушке. Дядя Фарид ни слова не сказал, даже не спросил, куда или почему я ухожу. Просто кивнул головой на прощание. Он вообще человек очень добрый и честный.

Это у меня с ним уже пятая совместная шабашка. И каждый раз в конце работы он спрашивает «делим поровну или по справедливости»? Он очень внимательный, и всегда знает, когда кто-то выкладывается на полную или халтурит. И спрашивает он всегда того, кто точно больше всех из его помощников приложил усилий.

Если выбор падёт на «поровну». То сумма просто делится на участников. Если же по справедливости, то дядя Фарид отдаёт деньги каждому в соответствии с его долей вклада в общее дело.

Наша компания никогда не выбирала этот вариант. К примеру, Цезарь просто физически не способен держаться на равных со мной или Мельником. А мы никогда не поспеем за Сидором. Но при этом всё равно каждый из нас делает всё, что может. А потому мы негласно решили, что всё – поровну.

Вечером созвонился со Снежаной. Голос у неё всё ещё хрипит. И чувствуется в нём какая-то толи слабость, толи усталость. Но она сказала, что идёт на поправку и велела не скучать без неё.

Перед сном долго волновался. Вдруг, из-за возвращения сюда, я перестану попадать в Жизнемирье? Но всё это оказалось беспочвенным. Стоило уснуть, и я снова очутился в знакомой хижине.

Пальцы правой руки до сих пор ныли, даже несмотря на все припарки от Авари. Не думаю, что сегодня смогу стрелять.

Решил посвятить эту ночь изучению языка, но Авари повела меня в поселение.

Судя по тому, что лекарка остановилась перед самой большой хижинкой – меня ждал «ковёр» у местного начальства.

Около часа я стоял под перекрёстными взглядами трёх старейшин, чья чешуя от возраста уже начала обесцвечиваться, приобретая пепельный оттенок. Более того – по всему телу были видны проплешины без единой чешуйки, оголяющие морщинистую, как выеденную оспинами серо-зелёную кожу.

Также здесь была та самая охотница, что ржала позавчера над моей стрельбой из лука. Помимо неё находились ещё две её подчинённых. Одна из них – Меливера.

Были ещё шесть женщин. Все зрелые, либо старые. Единственной молодой была Авари (Меливера её прилично старше, судя по чешуе). Думаю эти болороды представляют другие «касты» общества. Может, собирателей, а может, нянек или ещё кого.

В течение часа они о чём-то спорили. И чем дольше я их слушал, тем яснее понимал, что спор идёт о том, могу ли я остаться в поселении. Авари меня рьяно защищала. Она, как единственный лекарь, судя по всему, обладала довольно сильным голосом. Но, думаю, её молодость играла против неё.

Также на мою защиту встала Меливера, чем явно вызвала недовольство начальницы. Ещё в мою защиту выступили две женщины из тех, что статусом пониже. Кажется, они говорили, что я с детьми поладил. Но уверенности в этом нет.

Все же остальные: две охотницы и ещё четыре болорода выступали против моего присутствия в деревне.

Когда споры закончились, высказали своё мнение и старейшины. Все трое сказали, что я должен уходить. Авари начала на них кричать. Потом уговаривать. Даже на колени встала.

В этот момент я не выдержал. Я подошёл к лекарке и, взяв за плечи, поставил на ноги.

– Не унижайся перед ними из-за меня. Прошу, – к сожалению, я не мог ей объяснить словами свои мысли. Но, надеюсь, интонации передали всё, что я хотел.

– Urisetya tol eschtule o gajazuli, – я поклонился старейшинам и поблагодарил за еду и постель. Сказать о чём-то больше не позволял мой скудный словарный запас.

Что ж, кажется, я слишком долго пользовался гостеприимством болородов. Пора и честь знать.

Развернувшись, я вышел из хижины. Авари крикнула что-то вслед. Кажется, она плакала. У меня тоже слёзы сами собой навернулись на глаза. Но я не стал оборачиваться. Иначе и мне, и Авари будет только сложнее расстаться.

Пока я шёл к хижине, которую в последнее время уже называл своей, жизнь вокруг текла своим чередом. Неугомонные дети бегали вокруг. Только теперь у каждого был лыковый

браслет на руке или обруч на голове.

- Slava! Batsretyeza! – ко мне подбежали три девчонки и мальчишка и позвали играть в салки.

- Gamasetyezela, – извинился я перед ребятнёй, и увидев разочарование на их лицах, добавил, что ухожу. – Tu vastya. Спасибо за всё, малышня.

Подходя к хижине, я вспомнил, как впервые увидел болорода. Это была Меливера. Я тогда подышал от ран. И думал, она меня просто добьёт и съест. Насколько же смешными мне теперь кажутся те мысли. Сегодня она меня защищала, даже несмотря на гнев начальницы.

А как я вздрагивал при каждом приближении Авари? Даже стыдно становится. Настолько доброго существа я ещё никогда в жизни не встречал. Иногда казалось, что она ко мне относится куда бережнее и трепетнее, чем родная мать. Я уж молчу о том терпении, что она проявила, изо дня в день обучая меня языку!

Я зашёл в хижину. Она стала уже такой родной, что к горлу вновь подкатил комок. Блин! Почему я должен уходить отсюда? Я только-только решил для себя, что начну стараться! Ради чего тогда это всё? Ради кого? Что я тут забыл? Мне от этого мира ничего не надо! Единственное, чего я действительно хочу – это быть с теми, кто стал мне дорог!

Но я не могу. И не могу позвать их с собой. Я уже давно сложил в голове два и два. Слова чародея о войне с демонами и отсутствие взрослых или даже старых мужчин в поселении. Ни Авари, ни Меливера не могут пойти со мной. У них есть обязанности перед своим народом. Как говорится, тут приходится выбирать между женой, которую много лет знаешь, и котом, которого в первый раз видишь.

В хижине, я только сейчас заметил, была меховая сумка. Довольно вместительная, литров на двадцать. И две пары новых лаптей с кожаными носками.

На глаза вновь навернулись слёзы. Авари, видимо, понимала, чем сегодняшняя встреча со старейшинами может для меня закончиться, а потому заранее собрала всё необходимое.

Сумка уже наполовину была укомплектована. Три напоминающих линия вяленых рыбыны с локоть длиной. Завёрнутые в листья три каравая. Мешочек объёмом около полулитра со смесью перетёртых сушёных ягод, орехов и мёда. Я один раз пробовал – очень сладкая и сытная вещь. Пятилитровый бурдюк с водой. Кремень, огниво и мешочек из обработанной воском кожи с трутом внутри. Три костяных баночки с лечебной мазью. Три мотка тетивы. И нож Меливеры!

Слёзы опять подступили к глазам. Я бы и разрыдался. Но не хотел уходить из поселения зарёванным, а потому с трудом сдерживал горечь, волна за волной накатывающую на меня.

Рядом с луком обнаружился, помимо второго тула на пятьдесят стрел, ещё и мешочек с костяными наконечниками.

Нацепив на плечо перевязь с луком, а на пояс – свой первый тул на двадцать стрел, я закинул в сумку запасные лапти, наконечники стрел, свитки, эликсиры и деньги, повесил её на правое плечо, а на левое повесил второй тул.

Ну, вроде ничего не забыл. Я вышел на улицу. На границе поселения собрались, казалось, все местные болороды.

Никто ко мне не подходил. Я же к ним тоже направляться не собирался. Поискав глазами сестёр, я заметил рыдающую на плече у Меливеры Авари. Снова глаза начало щипать. И, отчасти, чтобы скрыть подступившие слёзы, а отчасти, чтобы поблагодарить, я в пояс поклонился болородам. Постояв так несколько секунд, я выпрямился, повернулся к ним спиной, и отправился в путь.

Как бы ни был я им всем благодарен, но из-за того, что мне не позволили остаться с Авари и Меливерой, я был ещё и зол. Когда я зашёл в лес, а за спиной сквозь деревья уже не было видно поселения, до моего слуха донеслись детские крики, среди которых я сумел различить «Slava», «urise» (благодарность), «pastat» (желание) и «hastu» (прощание) с различными глагольными окончаниями.

Теперь, когда меня точно никто не увидит, я дал волю эмоциям. Слёзы заскользили к подбородку, плечи и грудь стали трястись, из горла стали раздаваться едва слышные надрывные всхлипы.

Где-то я читал, что мужчинам плакать тяжело. Гораздо легче просто покричать и поматериться. Сейчас я понял, что это действительно так. Казалось, что слёзы силой прокладывают себе путь наружу, заставляя глаза болеть. А от рыданий начала разрываться грудь.

Казалось, что сердце осталось где-то там позади. Никогда не думал, что так сильно привяжусь к кому-то. В тот момент я даже не был уверен, испытал ли бы я такую же боль, если бы навсегда прощался со Снежаной? Хотя, думаю, тут немного другой случай. Я, конечно, надежды не теряю, но готовлю себя к тому, что она в августе уедет домой. И, судя по её словам, вряд ли ещё когда-нибудь сюда приедет. Так что я, в принципе, изначально знаю, что нам придётся расстаться.

Я шёл около трёх часов, и вышел на опушку. Да, да. На ту самую опушку. Но в этот раз я был готов к драке с шакалами. Даже более того – я жаждал её. Мне хотелось выпустить пар. Но вокруг, как назло, не было ни души.

На всякий случай натянул тетиву на лук, и пошёл в сторону реки. Там дальше на юг я видел едва различимую серебряную полосочку. Думаю, это река выходит из леса. И, чтобы не провоцировать болородов, я решил идти туда вдоль опушки. Но для этого нужно перебраться

на ту сторону.

Река здесь уже довольно глубокая – прекрасно помню. Вниз по течению я идти не мог, так как река скрывалась в лесу. Поэтому отправился вверх, в сторону того самого дерева.

Но далеко идти не пришлось. Буквально через пару километров я наткнулся не просто на брод, а на несколько больших камней, удачно лежащих для того, чтобы перепрыгнуть на тот берег, не замочив ног.

Учитывая мою обувь – это крайне актуально. Я шёл на юг до самого утра. Лишь когда Бослана начала уже освещать восточный край небосвода, я решил остановиться. К тому же и место удачное нашёл – большой валун метра три в диаметре. А возле него ещё пара камней поменьше. В итоге образовалось естественное укрытие.

Я заглянул внутрь, но никаких следов не заметил. Значит, никто это место пока не занял. Я минут тридцать провозился, перетаскивая маленькие булыжники из окружи, чтобы закупорить изнутри убежища все дыры. В том числе и вход. Теперь я снова оказался в «колодце». Над головой медленно светлело небо, а я ждал, когда же проснусь.

Лишь ещё где-то через полчаса меня разбудил бабушкин голос. Она просила отвести её до туалета. Я помог ей. Приготовил завтрак и прибрал в доме, а также проверил кое-что. Я об этом уже как-то писал. О странных провалах в памяти, когда вещи оказывались не там, где я их оставил. Это стало происходить каждый день. Но только с утра. Сначала думал, что после снов разум просто устаёт – он же, по сути, и не отдыхает совсем. Вот и происходит такое. Но... всю прошедшую неделю каждый день было лишь по пять таких случаев. Не больше и не меньше.

Поэтому я специально оставил дома зарядник от телефона. Сегодня с утра мобильник запищал, чтобы я его «покормил» и... зарядник оказался на столе рядом с телефоном! Теперь я абсолютно уверен, что могу призывать к себе вещи! Но только пять раз в день.

Это просто удивительно! Осталось научиться использовать эту способность грамотно, а не растрачивать на всякую мелочь типа зубной щётки или носков.

В восемь ушёл на шабашку, предупредив бабушку, чтобы звонила, если что. За весь день мне пришлось семь раз срываться и убегать к ней. Но жаловаться нет смысла. Я прекрасно помню, как это тяжело, когда ты ничего не можешь сделать.

За весь день так ничего больше и не призвал. Кажется теперь, когда я осознал, что обладаю такой способностью, случайных срабатываний не будет. Но нужно ещё проверять. А сегодня оставшиеся четыре раза я потратил, чтобы проверить свои возможности. В итоге понял, что могу телепортировать к себе небольшие предметы (зонтик уже не получилось) либо в руку, либо в любую точку в радиусе одного метра от меня. Это действительно удивительно! Видимо, волшебный мир сделал мне свой подарок.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/15571/321496>